

Гу Чжису заметил перемену во взгляде госпожи Синь и понял, что она уже догадалась о его причастности к произошедшему. Он не мог удержаться от тихого смешка, не выказав ни тени страха. Опустив голову, он с видом покорности произнес:

— Прошу матушку простить. Чжису просто проявил нетерпение, но и не помышлял упрекать матушку или проявлять неуважение. Ведь матушка в положении, что совсем не сравнить с обычными днями.

Старая госпожа всё это время задумчиво наблюдала за их спором. Её взгляд скользнул с побледневшего от ярости лица госпожи Синь и остановился на Гу Чжису, в каждом слове которого сквозил скрытый смысл. Она тоже не была слепой: то, что сумела разглядеть госпожа Синь, доступно было и ей. Именно сейчас она по-настоящему осознала, что этот красивый и утонченный шуан от наложницы, преклонивший колена перед ней, в действительности способен использовать всех как шахматные фигуры, совершенно не заботясь об интересах клана Гу.

Вспомнив прошлые события, старая госпожа сжала четки, её взгляд потемнел, и она резко прервала госпожу Синь.

— Ты в положении, так что должна оставаться в своих покоях и без нужды не показываться. Мне, старухе, на тебя смотреть не хочется, и искать встреч я не стану, чтобы не навлекать лишних неприятностей.

Когда старая госпожа посмотрела на Гу Чжису, он уже опустил глаза, избегая её взгляда, но её слова вызвали в душе холод. В ушах госпожи Синь это прозвучало как неудовольствие, но он, вспомнив о своём обещании часто навещать старую госпожу, дабы выразить почтение и найти в ней покровительницу, понял: та, хоть и отчитывала госпожу Синь, втайне предостерегала его от чрезмерных действий. Запрет на выход из покоев был призван защитить ребенка госпожи Синь, а не предоставить ему удобный случай для расправы с ней.

Поразмыслив об этом, он не изменил легкой улыбки на слегка покрасневших губах; длинные ресницы опустились, скрыв выражение лица.

Старая госпожа, должно быть, разгадала, что он не ставит интересы клана Гу превыше всего и вовсе не желает благополучного появления на свет ребенка госпожи Синь. К сожалению, сама госпожа Синь этого не уловила и, движимая обидой, продолжала с ним бороться. Старая госпожа была проницательна и хитра; с этого момента она, скорее всего, перестанет его покровительствовать, предоставив ему возможность расправиться с госпожой Синь без помех.

Гу Чжису слегка пошевелил пальцами, тихо постучав по грелке в рукаве. Холодные кончики пальцев согрелись, но сердце оставалось холодным как лед.

Что же теперь делать? Старая госпожа, увидев его жестокость, отвергла его, выбрав защиту своей невестки. Оставшись без защитного зонта, стоит ли ему умерить пыл? Это действительно тревожно.

Увы, госпожа Синь совершенно не поняла скрытого смысла слов старой госпожи, направленного на её защиту. Она испугалась лишь приказа оставаться в покоях, решив, что старая госпожа воспользовалась происками этого ничтожного выродка, чтобы заточить её под домашний арест. В душе её похолодело: показалось, что старая госпожа чересчур предвзята. Достав из рукава платок, она коснулась глаз, а когда те покраснели, начала громко причитать:

— Старая госпожа... Как вы могли... Это ведь не вина невестки!

— Уходи. Не перекладывай свои провинности на других.

Старая госпожа, видя, что та не понимает намёков и продолжает вопить, на миг нахмурилась, выказывая раздражение. Она вспомнила, что, как ни хитросплетенны были уловки Гу Чжису, муха не сядет на цельное яйцо. Госпожа Синь и Гу Хайтан привыкли высокомерничать и чваниться; стоит им встретить кого-то из низших, но умеющего интриговать, как они становятся беспомощными. В их глупых головах рождаются лишь дурные идеи, которые, будучи воплощены в жизнь, вызывают лишь насмешки и оборачиваются против них самих.

Подумав об этом, старая госпожа не стала скрывать нетерпения. Не желая продолжать разговор, она стукнула по столу, подалась вперед и, указав пальцем прямо в лоб госпоже Синь, холодно произнесла:

— Твои методы воспитания дочери мне уже знакомы. В главной ветви осталась лишь одна дочь от наложницы. Князь, пусть и слеп, но глаза у меня открыты. Будь осторожнее.

Госпожа Синь не верила своим глазам: губы задрожали, она смотрела на старую госпожу. Ей показалось, что старая госпожа перестала ценить её сына, законного наследника, и взяла сторону этого ничтожного шуана от наложницы. Её лицо исказилось:

— Старая госпожа! Как вы можете... так ранить сердце невестки...

Старая госпожа, видя её упрямство, ощутила боль в груди. Она бросила взгляд на спокойно коленапреклоненного Гу Чжису и, в конце концов, вздохнув, отмахнулась, не желая больше смотреть на них:

— Уходите. Я устала. Вон.

Госпожа Синь, глядя на это, пронзила старую госпожу ненавидящим взглядом. Гу Чжису же сохранял полное спокойствие, позволяя госпоже Синь заблуждаться насчет происходящего. Он с улыбкой поклонился и произнес:

— Бабушка, внук откланивается.

Старая госпожа на ложе прищурилась, наблюдая за тем, как фигура юноши выпрямляется. Словно стройный бамбук: даже если ветер и пригнет его к земле, он устоит и не сломается от бури. Ей стало жаль, и она тяжело вздохнула. Если бы Гу Чжису родился от госпожи Синь и стал законным сыном, опорой рода Гу, клан мог бы возвыситься в ближайшие сто лет, а не остаться в руках Гу Вэньмяня, у которого, хоть и есть амбиции, не хватает таланта ни на что иное, кроме как удержания позиций.

Долго старая госпожа смотрела на удаляющегося Гу Чжису, и ей вдруг показалось, что внук её превзошел сына. На лице её появилась усталость. Не дожидаясь, пока госпожа Синь вымолвит слово, она обратилась к спине уходящего Гу Чжису, понизив голос:

— Су-эр, на этом остановись. При отце больше об этом не упоминай. Успокой свою родную мать, чтобы не таила обиду. Понял ли ты?

Гу Чжису понял намёк, но внешне остался равнодушен и с улыбкой ответил:

— Внук, конечно, приложит все силы и не будет лениться.

Госпожа Синь собиралась было снова начать жаловаться, но, увидев выражение лица старой

госпожи, решила, что та больше не печется о её сыне, законном наследнике, а предпочтение отдает этому ничтожному шуану. Заметив, что Гу Чжису быстро удалился, она тоже не стала медлить и, поклонившись старой госпоже, вышла из комнаты, опираясь на служанку.

Смотря, как госпожа Синь и Гу Чжису один за другим покидают покои, старая госпожа на ложе наконец вздохнула, отложила четки в сторону и с холодной усмешкой произнесла:

— Госпожа Синь, дура, решила, что я хочу ей навредить. Ушла так поспешно, наверняка собралась сводить счеты с Су-эром. Но с её жалкими уловками Су-эр видит её насквозь. Она не послушалась меня и не осталась в покоях, а если потеряет ребенка, то сама будет виновата, и никто иной.

— Старая госпожа, что вы говорите...

Матушка Суй, увидев, как они ушли, и заметив настроение старой госпожи, поспешила отослать слуг. Она подошла к хозяйке, села на скамеечку и начала растирать ей ноги. В своё время она была служанкой, пришедшей с приданным старой госпожи, не вышла замуж и всю жизнь преданно служила ей, ни на шаг не отходя. Когда-то предыдущий князь И обратил на неё внимание и хотел взять в наложницы, но она отказалась. С тех пор она оставалась доверенным лицом старой госпожи. Даже нынешний князь И, Гу Вэньмянь, не мог занять её место в сердце старой госпожи. Поэтому она всегда была самой влиятельной матушкой в Главном дворе и могла позволить себе говорить смелее, чем обычные служанки.

Заметив усталость на лице хозяйки, она осторожно заговорила:

— Чрево княгини носит всё же законного сына. Если вы хотите сохранить ребенка, никто в задних покоях не посмеет перечить вам. Четвертый молодой господин — всего лишь сын от наложницы, он ни в какое сравнение не идет с законным сыном.

Однако старая госпожа, услышав её слова, лишь усмехнулась, подняла голову и пристально посмотрела на неё:

— Суй-эр, госпожа Синь глупа и не понимает моих слов. Неужели и ты не понимаешь?

Матушка Суй от холода в её взгляде сразу поняла, что мысли старой госпожи слишком глубоки. Она много лет была рядом и лучше всех знала её жестокость. Поэтому с осторожностью спросила:

— Старая госпожа... Неужели ради ребенка княгини вы готовы пожертвовать четвертым молодым господином?

— Это зависит от того, будет ли моего предупреждения достаточно, чтобы Су-эр пощадил этого ребенка.